

УДК 821.161.1.09 Берггольц О.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Берггольц О.
Г87

Оформление переплета *Владимир Мачинский*

Автор благодарит В.М. Лебединского за предоставленные фотографии и материалы из семейного архива;
РГАЛИ – за предоставленную возможность работать с личным архивом Ольги Берггольц и иллюстративные материалы

Громова, Наталья Александровна.

Г87 Смерти не было и нет: Ольга Берггольц : опыт прочтения судьбы / Наталья Громова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. – 430, [2] с., ил. – (Проза Натальи Громовой).

ISBN 978-5-17-121906-2

Наталья Громова – прозаик, исследователь литературного быта 1920–1930-х годов, автор книг «Ключ. Последняя Москва», «Скатерть Лидии Либединской», «Странники войны: воспоминания детей писателей».

Новая книга Натальи Громовой «Ольга Берггольц: Смерти не было и нет» основана на дневниках и документальных материалах из личного архива О.Ф. Берггольц. Это не только история «блокадной мадонны», но и рассказ о мучительном пути освобождения советского поэта от иллюзий.

УДК 821.161.1.09 Берггольц О.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Берггольц О.

ISBN 978-5-17-121906-2

© Громова Н.А., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие ко второму изданию</i>	9
<i>От автора</i>	10
Застава	14
«Милый Ленин...»	33
Конец детства. «Смена»	38
РАППы и ЛАППы	46
Белокрылая жена	51
Либединский и Муся: «...совпадающая со мной походка»	60
«Республика, работа и любовь...»	66
«Такие девушки бывают только в сказке...»	74
«Слеза социализма»	81
«Меня вывезет жизнь...»	89
Юрий Герман	95
1934–1936 годы. Смерть Ирины	99
«Мне жить еще полвека...» Борис Корнилов	108
Разгром Детиздата	116
В угаре 1937 года. Горелов и другие	124
Тень Авербаха	132
Исключение Либединского	144
Дело кировских писателей	149
Тюрьма Ольги Берггольц	158
«...Не ввязывайся в это дело». Разрыв Марии Берггольц с Либединским	166
После тюрьмы	177
«Нет, я иная, совсем уж иная...»	182
Начало войны	186
«Я тоже – ленинградская вдова...»	196
«В Ленинград – навстречу гибели... О, скорее в Ленинград!» ..	208

Седьмой этаж	217
Блокада	228
Ольга Берггольц и Вера Инбер	235
Конец блокады	244
«...Такой свободой дикою дышали». Опыт блокады	250
Памяти защитников	256
«Твой путь»	261
Ахматова и Берггольц. До постановления	265
Ахматова и Берггольц. После постановления	272
«Три дня была влюблена...» Борис Пастернак	280
За окнами. 1947–1948	286
Театр	292
Разгром Музея блокады	299
Ленинградское дело	305
Колхозный ГУЛАГ. Первороссийск	310
Волго-Дон. 1952	315
Благое молчание	321
Пьянство как юродство	325
Долгое расставание	335
«О, не твои ли трубы рыдали!»	343
XX съезд и его последствия	351
Книги и фильмы. Реквием юности	359
«...Требую мученичества за правду»	365
Наброски к Главной книге	374
«Это рухнула молодость века...»	384
Рассказы Веры Соминой о последних годах Ольги Берггольц ..	392
Последние годы	398
«Вот и похоронили Ольгу, Ольгу Федоровну Берггольц...»	403
Хор и соло	408
История с архивом Ольги Берггольц. Вместо послесловия	412
<i>Используемые архивы и основные сочинения.</i>	420
<i>Указатель имен</i>	422
<i>Указатель произведений Ольги Берггольц, упомянутых в книге</i>	430

*Светлой памяти
Галины Анатольевны Лебединской
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Второе издание книги об Ольге Берггольц «Смерти не было и нет» существенно расширено и дополнено по сравнению с прежним. В этом издании исправлены досадные неточности и ошибки. В книгу вошли материалы расшифровок интервью из фильма об Ольге Берггольц «Голос» (режиссер Елена Якович, автор сценария Наталья Громова), показанного на канале «Культура» в феврале 2019 года.

В это издание вошли новые материалы из записных книжек Ольги Берггольц и неопубликованных дневников (послевоенного периода), дополнительные изобразительные материалы. Доработаны и написаны заново некоторые главы книги.

Выражаю благодарность Елене Якович за предоставленные материалы фильма, Нине Нониной и ее дочери Вере Соминой за содержательное и подробное интервью, Виктору Лебединскому — за постоянное содействие в работе. А также моим редакторам Галине Беляевой, Алле Шлыковой и Дане Сергеевой.

Наталья Громова

ОТ АВТОРА

Я бы никогда не стала писать книгу об Ольге Берггольц. Но в 2006 году мне позвонила Галина Лебединская – вдова Михаила Лебединского*, племянника Ольги Берггольц. Она попросила меня прочитать дневники Берггольц, которые находились в РГАЛИ, чтобы помочь ей, как наследнице литературного архива, решить вопрос об их публикации.

Признаться, у меня был опыт подобного чтения. Но тут я засомневалась. О «ленинградской мадонне» я не так много знала, а уж давать какие-то советы... Я рассказала об этом Марии Иосифовне Белкиной (автору одной из лучших книг о Марине Цветаевой – «Скращение судеб»), с которой я тогда дружила. Оказалось, что Мария Иосифовна хорошо знала Ольгу Берггольц. Они познакоми-

* Лебединский Михаил Юрьевич (1931–2006), сын Юрия Николаевича Лебединского (1898–1959) и Марии Федоровны Берггольц (1912–2003), поменял вторую букву своей фамилии и стал Лебединским. Соответственно, такая же фамилия у его жены и сына.

лись в блокадном Ленинграде, куда Мария Иосифовна приехала от Совинформбюро.

Белкина вспомнила одну странную историю. Она почти никогда не знала чувства страха — такой выросла с детства. Но он все-таки настиг ее — тогда, в дни блокады.

«Тарасенков* назначил мне встречу у Олечки Берггольц, — вспоминала она. — Ее обожали в городе. Но жила она на пятом этаже в доме, где все жители вымерли, она так и сказала мне, что в квартирах больше никого нет. Лестница была крутая и в некоторых местах без перил. Я осторожно поднималась в полной темноте вверх, отсчитывая этажи, как вдруг в длинном черном коридоре, дверь которого была вырвана взрывной волной, увидела голубой огонек, который двигался на меня. Я застыла в ужасе. Первый раз в голову мне пришла мысль о привидениях, которые должны были населять эти квартиры. Я влетела на следующий этаж с абсолютно белым лицом. Тарасенков и Берггольц не могли понять, что случилось. Потом оказалось, что в подъезде остался в живых единственный древний старик, который и ходил со свечкой по коридору».

Мария Иосифовна говорила об Ольге горячо и закончила словами: «Почитайте, пожалуйста, Олечкины дневники, я уверена, что они — *настоящие*».

Я стала читать. Тетрадь за тетрадью.

Есть люди, которые рождаются с острейшим переживанием уходящего, утекающего времени. С желанием остановить, прикрепить его хотя бы к странице. Запечатлеть навсегда.

С первых же строк Ольгиного дневника было видно, что она родилась с этим чувством времени. Еще десяти-

* Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956), советский литературовед, литературный критик, поэт, библиофил, муж Марии Иосифовны Белкиной. В годы войны был редактором газеты Ладужской военной флотилии.

летней девочкой она пыталась писать воспоминания. Удержать происходящее. А дальше на страницах — не только события, но и рассуждения о жизни. Попытки понимания своего пути...

Каждый, кто вел дневник, знает: когда спустя годы его перечитываешь, испытываешь особое чувство неловкости — трудно представить, что это писал ты, что ты *так* ду- мал, *так* поступал. Ведь ты изменился, стал другим, и стыдно становится за прошлые откровения, излишний пафос, неумеренные признания. Желание убрать, подчистить прошлое с неизбежностью возникает почти у всех. Но Ольга Берггольц не приукрашивала и не прилаживала свою жизнь — напротив, поражает ее безоглядная открытость и беспощадность к самой себе. А ведь в ее дневниках и шельмование оппонентов в тридцатые годы, и смерть дочерей, и многочисленные романы, и откровенный рассказ о бездне лжи, открывшейся ей после тюрьмы, и мучительный надрыв блокадных дней, измены, ревность, алкоголизм...

Она не прятала себя от чужих глаз — это делали за нее другие: родственники, озабоченные ее репутацией, Союз писателей, наложивший запрет на прочтение дневников. Сама-то она не боялась, что они станут доступны читателю. И сделала их по сути своей Главной книгой, завещанием будущим поколениям.

В то же время, и это нельзя не отметить, дневники Ольги Берггольц были записками именно советского человека, отобразившими две реальности, две правды: советскую и частную. Это были два мира, которые расходились все дальше. И всю жизнь Берггольц пыталась преодолеть растущую пропасть между внешним миром и внутренним, между верой в придуманную идею и открывшейся страшной действительностью.

Я пошла вслед за ней, распутывая ее судьбу и постепенно понимая, как мучительно пыталась она преодолеть

в себе свое время: из советского человека стать просто Человеком, из советского поэта стать просто Поэтом. И оказалось, что это непосильнее, чем жизнь и подвижничество в ленинградские блокадные дни. Советская система, считая ее своей навечно, не выпускала Берггольц не только при жизни, но и после смерти, пытаясь превратить ее творчество в мертвые отлакированные страницы, как когда-то сделала с Маяковским.

Галина Лебединская, безвременно ушедшая от нас, попросила меня написать историю Ольгиной жизни. Ей казалось, что я смогу проследить судьбу Берггольц сквозь все перипетии советского времени.

На этих путях и раздумьях и возникла книга.

Моя огромная благодарность всем, кто помогал мне в этой работе. За терпение — Наталии Соколовской, за бесценную помощь — Елене Лурье, за важные сюжеты и истории — Елене Борисовне Левиной, за содействие и поддержку в поиске архивных материалов — внучатому племяннику Ольги Берггольц Виктору Лебединскому, за ценные советы — Татьяне Поздняковой, за редакторский труд и помощь — Галине Беляевой; директору РГАЛИ Татьяне Горяевой и руководителю архивных коммуникаций РГАЛИ Наталье Стрижковой.

При работе над книгой были использованы материалы семейного архива Лебединских, семейного архива Ирэны Гурской, материалы ГАРФа, РГАЛИ и РГАСПИ. Текст дневников приводится по изданиям, перечисленным в списке литературы в конце книги.

Наталья Громова

ЗАСТАВА

За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злорадия и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.

Анна Ахматова

Она всегда гордилась, что появилась на свет на Невской заставе. Как поэта ее восхищало, что жизнь именно отсюда берет свой исток. Как же могло быть иначе! Здесь активно действовали марксисты, Ленин написал свою первую агитационную листовку и первое обращение к рабочим Семянниковского завода еще в конце 1894 года.

По воспоминаниям рабочего завода, «куда ни повернешь голову, везде фабрики, заводы, мастерские. Целый лес огромных заводских труб, выбрасывающих тучи черного дыма, застилающего и без того серое питерское небо. Фабричные здания, дома, улицы и торопливо снующие люди — все окутано дымом. Отовсюду несется грохот огромных валов, прокатывающих раскаленные железные полосы, удары парового молота, от которых сотрясается земля, тяжелый шум пыхтящих паровозов, и над всеми этими звуками в воздухе висит непрерывный гул от клеп-

ки огромных паровых котлов, лежащих на земле, как гигантские гусеницы»*. Вот тут, на Невской заставе, и зарождался будущий большевизм.

Но дед Ольги по отцу — Христофор Фридрихович Бергхольц, перебравшийся в Санкт-Петербург еще в XIX веке, — был совсем из другого мира.

Христофор Фридрихович приехал из Риги. Отец его, Фридрих Бергхольц, по семейному преданию, происходил из крестьян Кулдингского уезда Курляндской губернии, имел много детей, из которых Христофор был самым младшим. «Это был голубоглазый, здоровый молодой человек, добрый лютеранин. Чистоплотный, спокойный латыш; он хорошо говорил по-латышски и по-немецки, прилично по-русски», — писала Берггольц в черновиках к автобиографическому роману «Застава».

Приехав в Петербург, Христофор Фридрихович поселился на Невской заставе; тогда ее только начинали застраивать фабриками и заводами. 12 мая 1879 года Христофор Фридрихович, по специальности «строительный техник», был принят на должность заведующего хозяйственной частью Александрово-Невской мануфактуры К.Я. Паля, сумел дорасти до управляющего знаменитой мануфактуры, а позже стал управляющим недвижимым имуществом фабриканта. На фабрике не раз происходили стачки, но во время рабочих волнений он, конечно, всегда был на стороне своего хозяина.

Жил Христофор в одной из ближайших к фабрике гостиниц. Там и познакомился с горничной Ольгой Михайловной Королёвой, вдовой мастера Александровского чугунолитейного завода. Она следила за его расходами, стирала белье. А затем они сошлись, как писали в старых книгах.

* Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х гг. Л., 1990. С. 113.